

А. А. ПАВЛОВ

РИМСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНАТА МАРК ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН

Римский институт плебейских трибунов, превратившийся в политической философии Просвещения и Нового времени в концепт трибуната, стал предметом дискуссии уже в римской историографии I в. до н.э., в которой был выработан ряд его концепций. Одну из них мы находим в трудах римского антиквара и грамматика Марка Теренция Варрона, который рассматривает трибуна́т как структурную часть магистратуры, низшую с точки зрения *honores*, наделенную функцией защиты плебса.

Ключевые слова: плебейский трибуна́т, римская антикварно-грамматическая историография, М. Теренций Варрон.

Первым из антикваров, сохранившим для нас важную информацию о плебейском трибуна́те, является основоположник римского антикварианизма Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.)¹. Современник М. Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.)², он жил и писал свои сочинения в эпоху кризиса Республики. Плохая сохранность работ Варрона не позволяет на их основе произвести всестороннюю реконструкцию института, однако имеющиеся фрагменты дают ценнейшую информацию о специфике трибуна́та и, что не менее важно, позволяют говорить о наличии у Варрона собственной концепции, в которой отразились как эпоха автора, так и его воззрения на нее.

Хотя исследователи зачастую пишут о политической индифферентности Варрона³, его отношение к трибуна́ту позволяет в этом усомниться. Самостоятельный исследователь, каковым был Варрон, пред

¹ М. Теренций Варрон принадлежал к древнему плебейскому роду и происходил из г. Реате. Как это часто бывало с *homo novus*, он был апологетом римской республиканской старины и *mores maiorum*. Проведя долгую жизнь в Риме и написав огромное число сочинений (более 74-х, полностью сохранилась единственная работа «О сельском хозяйстве»), Варрон имел не только большой жизненный и исследовательский опыт, но и опыт практической политической жизни, пройдя *cursus honorum* от квестора до претора (он занимал и должность плебейского трибуна, о чем сам писал: ар. *Gell.* XIII. 12. 5-6), он участвовал в противостоянии Помпея и Цезаря на стороне Помпея, а после его гибели руководил созданной по инициативе Цезаря в 47 г. до н.э. библиотекой (*Suet. Jul.* 44. 2). Подробно см.: *Сидорович.* 2005. С. 165-265.

² О воззрениях Цицерона на трибуна́т см.: *Perelli.* 1979. P. 285-299; *Grosso.* 1977. P. 157-161; *Павлов.* 2004. С. 19-39; *Павлов.* 2011. С. 159-178.

³ См.: *Сидорович.* 2005. С. 184.

чьим взором прошла эпоха «последних великих трибунов», реформ Суллы, лишивших трибунат «всякого значения»⁴, и законов, вновь восстановивших всю полноту их власти⁵, едва ли мог абстрагироваться от настоящего⁶. На его воззрения должны были оказать влияние социальное и интеллектуальное окружение. Как известно, Варрон был вхож в круг Цицерона, находился с ним в переписке и в курсе его научных занятий⁷; оба были сторонниками Помпея, восстановившего права трибунов в 70 г. до н.э., оба удостоились милости со стороны Цезаря после поражения помпеянцев и гибели Помпея в 48 г. до н.э.; оба входили в римский сенат и были весьма состоятельными гражданами, при том, что оба были *homines novi*. Можно было бы полагать, что и мировоззренческие установки того и другого могли быть близки.

⁴ Реформы Суллы были направлены на восстановление роли сената, с одной стороны, и уменьшение роли народных собраний, а вместе с тем и трибунов, с другой. Уже в соответствии с нормой, принятой в 88 г. до н.э., было запрещено вносить в собрание предложения, не одобренные сенатом. Тогда же были запрещены голосования в собраниях по трибам (*App. V.C. I. 59; Liv. Per. 77; Cic. Leg. III. 22. 2*). В соответствии с реформой 82 г. до н.э. трибуны утратили право вносить законопроекты на голосование (*Liv. Per. 89*); очевидно также они утратили право обращения к сенату (*App. V.C. II. 29*); все это должно было лишить их и уголовной юрисдикции (*Niccolini. 1932. P. 149*); занимавшие трибуна лица утратили право занимать другие должности (*App. V.C. I. 100*); власть трибунов перестает быть *sacrosancta*, дела обидчиков трибунов должны были рассматриваться в специальных судах (*quaestio maiestatis*), учрежденных Суллой (*Cic. 1 Verr. 39; Cluent. 97; Pis. 50; Fam. III. 11. 2; Tac. Ann. I. 72*); право *intercessio* трибунов было сокращено до помощи (*ius auxilium*) частным лицам (*Cic. Leg. III. 22*). По мнению Аппиана, Сулла почти совершенно уничтожил должность трибунов, лишив ее всякого значения (*App. V.C. I. 100*). О реформах Суллы в отношении трибуна см.: *Niccolini. 1932; Fabbrini. 1973. P. 806-807; Margadant. 1977. P. 186-187; Thommen. 1989*.

⁵ После смерти Суллы в 78 г. до н.э. практически сразу начинается борьба за восстановление трибунской власти: закон Г. Аврелия Котты (75 г. до н.э.) отменил запрет Суллы занимать экс-трибунам другие магистратуры (*Cic. Corn. Fr. I. 18; 51; Ascon. P. 66; 78; Ps. Ascon. P. 200 Or.; Sall. Hist. III. Fr. 48. 8M*), а в 70 г. до н.э. законом Гн. Помпея были отменены последние оставшиеся сулланские ограничения трибунской власти (*Cic. Leg. III. 9. 22; 11. 26; Caes. V.C. I. 7; Sall. Cat. 38; Tac. Ann. III. 27; App. V.C. I. 121; II. 29; Plut. Pomp. 22. 2; Suet. Caes. 5; Vell. II. 30. 4; Dio, XXXVI. 38. 2; XXXVIII. 30. 3; etc.*).

⁶ Не исследуя политические взгляды Варрона специально, О.В. Сидорович все же подчеркивает, что его антикварные сочинения «были столь же ориентированы на современность и политически заострены, как и римская анналистика». *Сидорович. 2005. С. 266*.

⁷ Сохранилось лишь 8 писем Цицерона к Варрону 46–45 гг. до н.э. (*Cic. Fam. IX. 1-8*), хотя в письмах к Аттику он не раз вспоминает о нем. Варрон посвятил Цицерону 24-ю книгу «О латинском языке» (*Gell. XVI. 8. 6; Cic. Att. XIII. 12. 3*).

Цицерон, как мы подчеркивали, достаточно критично относился к трибунату, хотя признавал его важное значение не только для защиты свободы народа, но и сдерживания произвола последнего; он видел в нем важный институт, способствовавший укреплению смешанной конституции, в связи с чем поддерживал его восстановление Помпеем, хотя и рассматривал действия последнего не столько как «наилучшие», сколько как «необходимые» (Leg. III. 26), и выступал оппонентом тех оптиматов, которые видели в трибунате абсолютное зло и поддерживали ограничения, наложенные на трибуна́т Суллой (Leg. 19-22)⁸.

Информация о трибунате у Варрона весьма фрагментарна. Благодаря грамматiku II в. н.э. Авлу Геллию известно, что он касался трибуната в своей антикварной работе *Antiquitates rerum humanarum* («Древности человеческие»), в написанном для Помпея пособии *Eisagogikos* («Введение», 71 г. до н.э.) о порядке созыва сената, а также в *Quaestiones epistolicae* («Исследования в письмах»), где он восстановил текст утраченного предыдущего труда. Более концептуальный материал мы можем получить из его основной грамматической работы *De lingua Latina* («О латинском языке»), от которой сохранилась значительная часть.

«Древности» были написаны во второй половине 50-х гг. I в. до н.э.⁹ Работа, от которой сохранились лишь отдельные фрагменты, состояла из 25 книг. О ее содержании можно судить по кратким замечаниям Авла Геллия, Секста Помпея Феста и Макробия¹⁰, а структура ее известна благодаря Августину, который сообщает, что труд был разделен на четыре части по шесть книг в каждой: в них Варрон «обратил внимание на то, кто действует, где действует, когда действует и что делает» (*De civ. Dei. VI. 3*)¹¹. Благодаря Авлу Геллию (*Gell. XIII. 12. 13*) мы знаем, что 21-я книга, входившая в последнее шестикнижие¹², была посвящена магистратам. Судя по общей структуре, речь в ней шла о деятельности магистратов, тогда как об их видах, местах, связанных с их дея-

⁸ В то же время, Цицерон обвинял Гракхов в разрушении государства (*Resp. I. 31*), неоднократно высказывая мысль об отсутствии *res publica* в его время (e.g.: *Fam. IX. 17. 1*).

⁹ Т.е. примерно тогда же, когда Цицерон писал свои диалоги «О государстве» и «О законах».

¹⁰ *Gell. I. 16. 3; 18L; 25L, 1, 10; III. 2L, 2, 4, 7; V. 4. 5; X. 7L, 2; XI. 1. 1, 4, 5; XIII. 12. 5 (bis), 7; 13 (passim); 17. 2, 3; XVII. 3L, 4*. Фест дает нам частные замечания о содержании VI, VII, VIII книг. См.: *Fest. s.v. «Pro censu classis iuniorum»*. P. 290L., *Praerogativae centuriae*. P. 290L; *Suffragato*. P. 472L; *Septimontio*. P. 476L. Макробий оставил информацию о I, XI, XIX книгах. См.: *Macr. Sat. I. 3. 2-6; II. 12. 3; 16. 12*.

¹¹ Первая книга имела характер введения ко всей работе.

¹² О его структуре см.: *Кофанов. 2006. С. 50*.

деятельностью, и должностном календаре говорилось в предыдущих частях. Как располагался материал в книге, точно сказать нельзя. Можно лишь предполагать, что изложение велось по отдельным магистратам и в определенной системе, возможно от низших магистратов к высшим¹³. Здесь же Варрон рассматривал и плебейских трибунов, о чем известно из пассажа Авла Геллия о праве вызова (*ius vocationis*), где он ссылается на мнение Варрона¹⁴ о том, что трибуны не имели права вызова, но имели право ареста (*ius prensionis*). Как отмечает Авл Геллий, ту же систематику, но в более кратком виде, он нашел в *Epistulae* известного юриста августовской эпохи Атея Капитона, известного своими недемократическими взглядами, что позволяет думать (с учетом проблематики всего шестикнижия), что она восходит к консервативной юридической традиции конца II в. до н.э., откуда и позаимствовал ее Варрон¹⁵. Большой, в сравнении с юристом, объем пассажа у Варрона

¹³ На эту мысль наводит Авл Геллий (XIII. 13. 5): «Об этом Варрон говорит в той части книги, [где речь идет] об эдилах, а выше в той же книге он сообщает, что квесторы не имеют права вызова в суд и ареста». Именно такой порядок мы находим в «О законах» Цицерона (III. 6-9), где он сначала говорит о младших магистратах (*magistratus minores*): *tribuni militum, quaestores, tresviri capitales* (nocturni), *tresviri aere argento auro flando feriundo, decemviri stlitibus diiudicandis*, а затем об эдилах, цензорах, преторах, консулах и, наконец, о диктаторе и начальнике конницы.

¹⁴ *Gell. XIII. 12. 5-6*: «После того как мы прочитали это в указанном письме Капитона, то же самое, но изложенное более подробно, мы обнаружили у Марка Варрона в двадцать первой книге «Дел человеческих». Непосредственные слова Марка Варрона по этому вопросу мы приводим ниже: “Среди магистратов, – говорит он, – одни обладают правом вызова в суд (*vocatio*), другие – правом ареста (*prensio*), третьи – ни тем, ни другим. Так, правом вызова в суд обладают консулы и прочие, обладающие империем; правом ареста – плебейские трибуны и остальные, у кого есть посылный (*viator*), а не имеют права вызова в суд и ареста квесторы и прочие, не имеющие ни ликтора, ни посылного. Те, кто имеют право вызова в суд, имеют также право ареста, задержания, помещения [под стражу] (*prendere, tenere, abducere*), и все это как в случае присутствия тех, кого следует вызывать, так и тогда, когда их приказано привести. Плебейские трибуны не имеют права никого вызывать в суд, однако многие из них, будучи несведущими, пользовались этим правом так, словно обладали им; ведь некоторые приказывали вызывать на форум не только частных лиц, но и консула. Я, будучи триумвиром, был вызван в суд плебейским трибуном Публием Порцием, однако я не пошел, придерживаясь лучших авторитетов и [норм] права. И точно также, когда я был трибуном, я никого не приказывал вызывать в суд и не требовал подчинения от вызванного коллегой в суд против его воли».

¹⁵ В конце II в. до н.э. были созданы две известные работы, посвященные магистратам: «*De potestatibus*» М. Юния Гракхана и «*Magistratum libri*» Г. Семпрония Тудитана. Юний Гракхан был другом Гая Гракха, тогда как Семпроний Тудитан – сторонником П. Сципиона Эмилиана. Различия в названиях их трактатов могут указывать на концептуальные различия авторов: трибуна́т у Тудитана рассматривался с

был, очевидно, связан с включением в его состав рассуждения, опирающегося на личный опыт антиквара, через который мы имеем возможность выявить отношение автора к институту.

Из приведенной цитаты следует, что Варрон помещает трибунов в число магистратов, где они оказываются интегративной их частью. При этом за основу систематизации берется чисто инструментальный критерий: наличие/отсутствие отдельного права – права вызова и ареста. Этот критерий, однако, в рассуждении Варрона оказывается тесно увязанным с другим: делением магистратов по наличию/отсутствию того или иного рода аппараторов. Варрон делит магистратов на три группы: магистраты с *imperium* (и, соответственно, имеющие ликторов) и магистраты без него: обладающие, либо не обладающие, посылными (*viatores*). Варрон (консервативная юридическая традиция) выводит различия магистратур не из социальных и связанных с ним функциональных особенностей трибуната, не из специфики его происхождения, а связывает их с наличием у магистратов ликторов (*lictors*) или посыльных (*viatores*), либо отсутствием и тех и других, подменяя сущностные отличия внешними¹⁶. Имея четкое логическое построение, предложенная систематика

точки зрения сенатской олигархии (*Bretone*. 1982. P. 14), тогда как Гракхан отстаивал идеи популяров (*Bauman*. 1983. P. 292). Авл Геллий сообщает нам (XIV. 8. 2; см. ниже), что Варрон был непосредственно знаком с обоими тудами, но при этом предпочитал Тудитана, что подчеркивает его следование консервативной юридической традиции. На заимствованность схемы указывает и ее противоречие фактическому положению вещей, сложившемуся ко времени написания трактата: закон Суллы 81 г. до н.э. об увеличении числа квесторов до 20 предполагал наличие у них *viatores* (*Dio*, XLII. 51; *Vell.* II. 89. 3; *D.* I. 2. 2. 32). См. прим. 19.

¹⁶ Варрон, неоднократно используя термин *magistratus*, редко касается систематики магистратур: ему известно деление магистратов по критерию *par maioris potestas* (ар. *Gell.* XIV. 7. 6), он знает о магистратах *cum imperio* (*Ibid.* XIII. 12. 6); так же у него есть начатки представлений об экстраординарной магистратуре (*Ibid.* XIV. 7. 5). Ему были известны *magistratus populi Romani* (*Ibid.* XI. 1. 4), тогда как такие категории как *magistratus patricii/plebeius* он полностью игнорирует, моделируя тем самым магистратуру как единый внесловный сугубо правовой институт. В то же время допустить, что эти термины были неизвестны Варрону, мы не можем. Все они представлены в латинском языке I в. до н.э. У Цицерона мы встречаем *magistratus patricii* (*Leg. Agr.* 2. 26; *dom.* 38; *ad Brut.* I. 5. 4), а также, очевидно, и *magistratus plebei* (*Schol.* *Cic.* *Ambros.* P. 370). О магистратах-патрициях говорит и известный авгур Мессала, современник Варрона, в книге «Об ауспациях» (ар. *Gell.* XIII. 4). Грамматик эпохи Августа Веррий Флакк, опиравшийся на антикварную и юридическую традицию II–I вв. до н.э., в своем лексиконе «О значении слов» знает *magistratus plebeius*, называя их видом (*genus*) магистратуры (*Fest.* s.v. *Plebeium magistratum*. P. 259L; *Plebeias tabernas*. P. 258L; *Scita plebei*. P. 372L), так и *magistratus patricii* (s.v. *Scitum populi*. P. 442L).

магистратов, как любая римская правовая систематика не является ни абстрактной¹⁷, ни всеобъемлющей, и при любой попытке рассматривать ее как таковую мы наткнемся на противоречия в ней¹⁸.

Пассаж важен для понимания специфики трибуната, прежде всего его судебной власти, ибо право вызова (*ius vocationis*) и право ареста (*ius prensionis*) тесно связаны с судебными и коэргитивными полномочиями магистратов, их юрисдикцией. Согласно Варрону, полнотой прав в судебной сфере обладали лишь магистраты с *imperium*¹⁹, которые имели право вызова, наказания и ареста. Трибуны, имея *viatores*, но не обладая *imperium*, не могли вызывать обвиняемого, но лишь приказать посыльному арестовать его, если он находился тут же²⁰. Квесторы же, будучи помощниками консулов, собственной властью не могли ни того, ни другого²¹. Варрон отмечает также, что магистраты, относящиеся к последней категории, (а сюда он относит и курульных эдилов) могли быть вызваны в суд претора частным лицом (*ap. Gell. XIII. 4*), из чего мы можем заключить, что такой возможности не предполагалось для трибунов.

Притом что приведенная систематика должностей рассматривает трибунат неотъемлемой частью магистратуры с определенным набором прав, завершающие пассаж рассуждения Варрона ставят под сомнение эту конструкцию: он не обсуждает в них права и полномочия консулов и квесторов, но делает это только в отношении трибунов, тем самым косвенно показывая их иную природу. Для него, живущего в эпоху тотального нарушения республиканской конституции, оказывается важным подчеркнуть, что сам он исполнял должность трибуна в соответ-

¹⁷ См., напр.: *Гарсия Гарридо*. 2005. С. 101-119.

¹⁸ Так, консулы и другие магистраты с империем имели не только ликторов, но и *viatores*; квесторы, по крайней мере в I в. до н.э., имели *viatores* в соответствии с *Lex Cornelia de XX quaestoribus*: Варрон, заимствуя пассаж у юристов II в. до н.э., видимо не посчитал нужным вносить в него коррективы в соответствии с законом Суллы (CIL I² 587). Под «квесторами» здесь очевидно имеются в виду т.н. уголовные квесторы (*Fest. s.v. Parrici<di> quaestores. P. 247L; D. I. 2. 2. 23; Lyd. De mag. I. 26; etc.*). В другой своей работе Варрон подтверждает то, что квесторы не имели право вызова (LL. VI. 90-91). О полномочиях квесторов см., напр.: *Дементьева*. 2009. С. 187-202.

¹⁹ Подробней об *imperium* как о всеобъемлющей власти приказа, включающей право вызова и наказания, см.: *Дементьева*. 2005. С. 61-73.

²⁰ См.: *Liv. II. 56. 13; Dionys. IX. 48. 1sq; X. 31. 3sq.*

²¹ Эта троичная схема Варрона входит в противоречие с конструкцией Т. Моммзена, который рассматривая специфический характер плебейской организации («государство в государстве») противопоставлял ее должностных лиц – трибунов и эдилов плебса, консулам и квесторам – должностным лицам римского государства (*Моммзен*. 1994. С. 227). Что касается компетенции квесторов, то он решал эту проблему на основе своей «теории мандата» (*Mommsen*. 1952. Bd. 2. Abt. 1. S. 537).

вии с правом и авторитетом предшественников: он заявляет, что ни сам, будучи трибуном, никого не вызывал, ни, напротив, будучи триумвиром, не явился по вызову трибуна П. Порция²². Его отказ очевидно остался безнаказанным, что подтверждает и приведенный Геллием аналогичный случай с юристом эпохи Августа Лабеоном (*Gell.* XIII. 12. 1-3) – трибуны не имели формально-юридических средств воздействия на неявившихся. Однако из контекста пассажа Геллия становится ясно, что действия Варрона представляют скорее исключение, чем правило.

Варрон отмечает, что трибуны вызывали не только частных лиц, но и консулов, и что его коллеги по трибунату пользовались этим правом (*Ibid.* XIII. 12. 6); он не характеризует их действия как нелегитимные, лишь не считает возможным пользоваться этим правом самому, видя в них *mores novi*. Геллий, комментируя текст Варрона, выражает недоумение, почему трибун, обладающий правом ареста («*iure prendi potest*») и заключения в тюрьму («*in vincula duci potest*»), чью власть он определяет как «*summa coercendi potestas*» (*Ibid.* XIII. 12. 9), не имеет права вызова. Он склонен объяснять это тем, что трибуны были созданы первоначально не с целью судопроизводства, а для предотвращения насилия в их присутствии. А. Джованнини использовал этот пассаж как одно из доказательств своей гипотезы, согласно которой плебейские трибуны и плебс были только обвинителями в народном процессе²³: трибуны собирали лишь *concilia plebis*, где вырабатывалось обвинение, однако суд происходил перед *populus* под руководством претора.

Отправным для рассуждения Джованнини стал постулат, концептуально покоящийся на воззрениях Т. Моммзена²⁴: «Римский народ с римским сенатом и римскими магистратами есть государство, они обладают государственной властью в ее всеобщности. К совокупности государственной жизни принадлежит вынесение приговора. <...> Плебс и его предводители существуют только для того, чтоб препятствовать решениям и мероприятиям государственной власти или, напротив, побуждать государственную власть к таким мероприятиям и решениям»²⁵. Таким образом, трибунам автор отводит лишь негативные полномочия²⁶ и счи-

²² Варрон мог быть (уголовным) триумвиром (т.н. *tresviri capitales*) в 95–90 гг. до н.э. Точная дата его трибуната также не известна. Дж. Никколини относит его трибунат к промежутку 87–81 гг. до н.э. (*Niccolini.* 1934. P. 432).

²³ *Giovannini.* 1983. S. 545-566. В другой своей работе он рассматривает право вызова как основное свойство магистратского *imperium* (*Giovannini.* 1990. S. 433).

²⁴ См. анализ концепции последнего: *Lobrano.* 1972. P. 235-262.

²⁵ *Giovannini.* 1983. S. 565-566.

²⁶ Подход к полномочиям трибунов как чисто негативным сегодня правомерно оспаривается. См. напр.: *Mastrocinque.* 1996. № 1. P. 62-68.

тает их, в отличие от Варрона, не «магистратами», но «представителями» плебса. Он верно замечает, что отсутствие права вызова у трибунов препятствовало бы исполнению ими судебных полномочий, в связи с чем отрицает, ссылаясь на Авла Геллия, и наличие у них *iurisdictio*. Однако Геллий вовсе не отвергает *iurisdictio* трибунов, он лишь отмечает, что его, возможно, не было первоначально²⁷. Не учитывает он и того, что трибуны, несмотря на отсутствие у них *ius vocationis*, на практике действуют так, как имеющие его, а также не вспоминает о том, что под руководством плебейских трибунов в собраниях по трибам (по крайней мере, после закона Гортензия 287 г. до н.э.) принимались решения (*plebiscita*), обязательные для всей общины²⁸ и, значит, выражаясь языком автора, трибуны и плебс действовали как «государство», а следовательно, нельзя отвергать трибального судопроизводства под руководством трибунов, не отвергая и трибунского законодательства. Как можно заключить из пассажа Авла Геллия, отсутствие права вызова у трибунов связано не с отсутствием у них судебных полномочий как таковых, а с иной их природой, нежели у патрицианских магистратов с империем²⁹.

Варрон касается трибуната также в пособии *Eisagogikos* и в «Исследованиях в письмах», где, повествуя о порядке созыва сената, сообщает о том, что трибуны имели право созывать сенат (*ius senatus habendi*) до плебисцита Атиния, хотя и не были сенаторами³⁰. К какому

²⁷ *Gell.* XIII. 12. «...quod tribuni plebis antiquitus creati videntur non iuri dicundo...». Не отвергают ее и Дигесты Юстиниана, также включающие трибунов в число магистратов. Трибуны, наряду с консулами, преторами и эдилами, признаются Помпонием обладающими юрисдикцией (D.1.2.2.34): «Ergo ex his omnibus decem tribuni plebis, consules duo, decem et octo praetores, sex aediles in civitate iura reddebant». Говорят о *iurisdictio* трибунов и современные исследователи: *Азаревич*. 1875; *Моммзен*. 1994. Т. 1. С. 227; *Mitchell*. 1990. P. 179-184; etc.

²⁸ См. напр.: *Gai.* I. 3.

²⁹ Трибунат восходит к иному сакрально-правовому порядку, чем патрицианская магистратура. Патрицианский публично-правовой порядок связан с такими понятиями как *patres, magistratus patricii, auctoritas, auspicia, imperium, libertas populi*; плебейский – с такими как *plebs, magistratus plebei, sacrosanctitas, potestas tribunicia, libertas plebis*. О дуализме порядков см.: *Lobrano*. 1983; *Павлов*. 2009. С. 219-229.

³⁰ *Gell.* XIV. 8. 2: «Но Марк Варрон в четвертой книге “Исследований в письмах” и Атей Капитон в 9-й книге “Заметок”, говорят, что префект имел право созывать сенат; и в этой связи Капитон заявляет, что Варрон соглашался в этом с Тубероном, против позиции Юния: “Ибо право созывать сенат”, – говорит он, – “было и у плебейских трибунов, хотя они не были сенаторами до плебисцита Атиния”». Когда трибуны получили это право однозначно сказать нельзя. Э. Бэдиан относит возможность этого к III в. до н.э. (Op. cit.), П. Виллемс связывал его с законами Публия Филона 339 г. до н.э. (*Виллемс*. 1888. Ч. 1. С. 218. Прим. 1). Дионисий Галикарнасский впервые говорит о созыве сената трибуном в 445 г. до н.э. в связи с деятельно-

времени относится плебисцит точно сказать нельзя³¹. Эрнст Бэдиан приводит убедительные аргументы, относя его к промежутку между 168 и 149 гг. до н.э., связывая с Г. Атиниєм, упомянутым в качестве одного из свидетелей во внесенном Октавиєм (очевидно консулом 165 г. до н.э.) сенатусконсульте³². По его мнению, плебисцит установил право трибунов быть членами сената, что, как он полагает, предопределило окончательную трансформацию трибуната – трибунов он называет «главами дружественной иностранной власти» («heads of a friendly foreign power») – в магистратуру римского государства, вследствие чего *ius auxilii* трибунов было «национализировано»³³. По размышлению автора, именно во второй половине II в. до н.э. трибунат превращается в *magistratus populi*, утрачивает свою политическую и институциональную суверенность, а трибуны сливаются со слоем сенатской аристократии³⁴. Включение трибунов в число сенаторов, действительно, важный символический акт, однако считать его однозначно моментом, ознаменовавшим трансформацию трибунов в *magistratus populi*, нельзя³⁵. Для нас сейчас важнее, однако, сам факт отсутствия юридического основания для вхождения трибунов в сенат до середины II в. до н.э. При том, что плебеи, занимавшие курульную магистратуру, получили доступ в сенат по крайней мере в IV в. до н.э., да и сами трибуны, занимавшие ранее квестуру (отправная ступень римской *cursus honorum*), могли

стью Канулея (X. 31. 1-2; 32. 1); Тит Ливий упоминает об этом, повествуя о событиях 216 г. до н.э. (XXII. 61. 7).

³¹ Разброс датировок – около 100 лет. А. Астин связывал его с трибуном 197 г. до н.э. (*Astin*. 1969. Vol. II. P. 38ff.); Дж. Никколини (*Niccolini*. 1934. P. 129) относил к 149 г. до н.э., Дж. Ротонди – к периоду до 102 г. до н.э. (*Rotondi*, 1962. P. 330).

³² *Badian*. 1996. P. 204. n. 26.

³³ *Ibid*. P. 205, 212-213.

³⁴ В связи с этим он склонен не соглашаться с периодизацией, выдвинутой Й. Бляйкеном (*Bleicken*. 1981. Bd. II. S. 87 ff.), который рассматривал трибунат эпохи средней Республики как институт, стоящий на страже римской конституции и интересов сенатской аристократии.

³⁵ С одной стороны, плебисцит закрепил практику, которая возникла впервые в эпоху Второй Пунической войны (*Liv*. XXIII. 23. 6). С другой, в противовес рассуждениям Э. Бэдиана можно вспомнить то, что трибунат и позднее не имел ряда черт, присущих магистратуре (см. напр.: *Дементьева*. 2004. С. 151) и, напротив, ранее в ряде случаев выступал как орган защиты не только плебса, но и патрициев. Кроме того, само воззрение, согласно которому трибунат эволюционировал от немагистратуры к магистратуре народа, господствовавшее в историографии XIX в., сегодня аргументированно оспаривается. Римские авторы противопоставляют плебейских магистратов (*magistratus plebei*) магистратам патрициев (*magistratus patricii*), но никогда магистратам народа (*magistratus populi*), что ставит вопрос о необходимости рассматривать их как «магистратуру части» (*Lobrano*. 1975. P. 245-277; *Idem*. 1983).

быть сенаторами во II в. до н.э., занятие трибуната не было основанием для включения в сенат. Этот запрет исходил не столько из функционального противопоставления трибуната патрицианской магистратуре в силу возможного «конфликта интересов» различных властей, ибо занимавшие ранее квестуру или другие должности трибуны могли быть сенаторами, сколько из иной его сакрально-правовой природы, с которой это функциональное противопоставление непосредственным образом было связано. Объективно плебисцит Атиния закрепил произошедшее размывание границ двух различных сакрально-правовых порядков и дал возможность юристам и антикварам II в. до н.э. унифицировать магистратуру, рассматривать трибунат по аналогии с патрицианской магистратурой, использовать общие инструментальные критерии систематизации, что особенно отчетливо видно у Варрона.

Варрон в *Quaestiones epistolicae* сообщает нам не только о праве трибунов созывать сенат, но поясняет и сам порядок его созыва³⁶. Из пассажа Геллия видно, что трибуны – фактически единственная магистратура *sine imperio*³⁷, которая имела право созывать сенат и ставить вопросы на его рассмотрение. Можно усомниться в истинности его последнего утверждения, что трибун имеет приоритет в созыве сената над интеррексом или префектом города, как и в реальности самой ситуации, о которой он говорит, но сомневаться в приоритете созыва сената консулом или претором мы не можем³⁸. Это право, не будучи изначальным, возникло у трибунов благодаря их функциям и полномочиям в сфере представительства плебса, законодательства, судопроизводства и контроля за деятельностью (патрицианских) магистратов.

Здесь же Варрон говорит и о праве *intercessio* в отношении постановлений сената³⁹. Из пассажа видно, что ему известно членение магистратуры на основе критерия *par maiore potestas*. Хотя в приведенном

³⁶ *Gell. XIV. 7. 4*: «Сначала он говорит о том, кто были те, кто, по обычаю предков, имели обыкновение созывать сенат, и называет их: “диктаторы, консулы, преторы, плебейские трибуны, интеррекс и префект города”. По его словам, никто кроме них не имел права вносить сенатусконсульты, и если так случалось, что все эти магистраты были в Риме в одно и то же время, то у того, кто был первым по порядку в приведенном выше перечне, было преимущественное право вынесения вопроса на обсуждение сената».

³⁷ Сомнение может вызывать только фигура *praefectus urbi*, хотя некоторые авторы склонны наделять империем и эту должность. См.: Лукьянец. 2003. С. 76-84.

³⁸ Еще под 138 г. до н.э. Валерий Максим (III. 7. 3) сообщает о требовании трибуна Г. Куриация, обращенном к консулу, созвать сенат.

³⁹ *Gell. XIV. 7. 6*: «Затем он написал об интерцессиях и оговорил, что право препятствовать принятию сенатусконсульта принадлежало только тем, кто имел такую же власть, как тот, который желал принять сенатусконсульт, или большую».

пассаже трибунат не назван, исходя из того, что Варрон рассматривает его как часть магистратуры, следует полагать, что он подчиняет и трибунат данному принципу⁴⁰. Он также отмечает, что тот, кто созывал сенат, должен был предварительно произвести жертвоприношение и ауспиции. Однако *auspicia* в античной традиции тесно связаны с *imperium* и *patres*⁴¹, напротив, господствующая античная традиция уверена в том, что трибуны не имели *auspicia publica*⁴². Варрон же не говорит о каком-то особом порядке созыва сената трибунами – у него он общий для всех магистратов. Поскольку Варрон первоначально излагает этот текст для Помпея в качестве практического руководства, а опирается в его написании на юристов второй половины II в. до н.э. Кв. Элия Туберона и М. Юния Гракхана, то следует думать, что трибуны II–I вв. до н.э. могли поступать именно так, хотя очевидно, что изложенный порядок относится к «патрицианским» магистратам, и распространен ими на трибунов в силу принципа аналогии⁴³.

От большой грамматической работы «О латинском языке», состоявшей также из 25 книг, как и «Древности человеческие», сохранились только шесть книг (V–X), однако они содержат немало важных сведений о римских публичных институтах. Труд был написан в 47–44 гг. до н.э.,

⁴⁰ Характер его фразы о *par* и *maior potestas* очень напоминает норму, приведенную Цицероном в его диалоге «О законах» (Leg. III. 11). Тот и другой говорят о магистратуре вообще, не приводя конкретных примеров, возможно заимствуя текст из общего источника. Однако Цицерон выводит трибунат за пределы магистратуры и соответственно не связывает *intercessio* трибунов с магистратской. Т. Моммзен следует здесь Варрону, рассматривая трибунскую *intercessio* как часть общемагистратского права (Mommсен. 1874. Bd. II. Abt. 1. S. 272ss.).

⁴¹ В латинском языке фраза *auspicium imperiumque* имеет характер устойчивого выражения, впервые появляясь уже у Плавта (Plaut. Amph. 192, 196; Liv. XL. 52). См. также: Liv. VI. 41. 5; VII. 6. 11; Cic. Dom. 37sq.

⁴² Liv. VI. 41. 5; VII. 6. 11; Dionys. IX. 49. 5. См. также: Gell. XIII. 15. 4; Cic. Leg. Agr. II. 26; ad Brut. I. 5. 4. Contra: Plut. Tib. Gr. 17; Liv. X. 47; XXX. 39; Zon. VII. 19. Ляпунов. 1917. С. 256–287; Linderski, 1990. P. 41. В историографии по-разному решается вопрос об ауспициях трибунов при созыве сената: Т. Моммзен, считая, что трибуны не обладали импетративными ауспициями, говоря о созыве ими сената, колебался между возможностью получать их «взаимы», и отсутствием необходимости для них вообще производить таковые (Mommсен 1887. Bd. II. S. 260). Л. Ланге, исходя из своей особой конструкции власти трибунов как *dispar potestas* (Lange. 1876. Bd. I. S. 830), считал, что трибуны получили ауспиции вместе с правом созыва сената в 339 г. до н.э. по закону Публия Филона, а сами их ауспиции определял как разновидность *auspicia maxima*. С этой же датой связывает появление ауспиций у трибунов О. Карлова (Karlowa. 1885. Bd. I. S. 228).

⁴³ Принцип, который широко использовался в римской юридической теории и практике. См., напр.: Петровский. 2007. С. 83–89.

т.е. после «Древностей»⁴⁴. В сохранившихся книгах речь идет об этимологии (V-VII) и склонении (VIII-X). Теоретическим основанием в разработке этимологии и теории языка служили для Варрона воззрения греческих философов и риториков, а также его учителя – грамматика Элия Стилона, однако в изложении своей концепции он пользовался примерами, заимствованными из латинских источников III-I вв. до н.э., в том числе из исторических⁴⁵ и юридических сочинений⁴⁶, а также из различных документальных источников⁴⁷.

В сохранившейся части трактата Варрон упоминает плебейских трибунов в двух местах: трибуны, наряду с другими магистратами, появляются в пассаже об этимологии термина *magistratus* (V. 80-82) и в толковании слова *inlicium*, где он говорит о порядке созыва центуриатных комиций (VI. 9. 86-94). В пятой книге Варрон повествует об этимологии названий римских магистратов, вводя пассаж следующими словами: «[Итак] я приступаю к [разговору] о публичном почете». Пассаж Варрона имеет четко выстроенный порядок представления магистратур⁴⁸: консул и претор (V. 80)⁴⁹, цензор, эдил, квесторы, военные трибуны, трибуны плебса (V. 81)⁵⁰, диктатор и начальник конницы (V. 82)⁵¹. В

⁴⁴ Ее структура подобна структуре «Древностей»: I книга – введение, II-VII посвящены происхождению языка и этимологии, VIII-XIII – склонению (морфологии), XIV-XIX – синтаксису, XX-XXV – стилистике. См., напр.: Дуров. 2000. С. 139.

⁴⁵ *Анналы* (V. 22, 42, 55, 59, 60, 65, 111, 182; VI. 82; VII. 6, 7, 12, 20, 21, 26, 28, 32, 33, 36, 37, 41-46, 48, 100, 103, 104; IX. 54), сочинения Кальпурния Пизона (V. 148, 149, 165), Катона (VII. 58; IX. 107), Сизенны (VIII. 73).

⁴⁶ Он упоминает Муция Сцевола (V. 5, 83; VI. 30; VII. 105), М. Юния [Гракхана] (V. 5; VI. 95), Сульпиция (V. 40).

⁴⁷ Законы XII таблиц (V. 22, 140; VI. 5; VII. 15, 51) и другие законы (V. 42, 163; VI. 5, 27, 60, 74; IX. 104), таблицы цензоров (VI. 86-87), комментарии магистратов (VI. 88-92), песни салиев (V. 110; VI. 14, 49; VII. 2, 3 bis, 26, 27; IX. 61), фасты (V. 84) и др. В связи с трибунатом непосредственно упоминаются цензорские таблицы (VI. 86-87), косвенно – «Комментарии» юриста II в. до н.э. М. Юния Гракхана, консульские и квесторские комментарии, юридическое сочинение Коскония «Иски» (II в. до н.э.) и приписываемая то ли Плавту, то ли Асконию «Беотия» (VI. 9. 88-94).

⁴⁸ Очевидно иной, нежели в «Древностях», что может быть связано с наложением друг на друга этимологических и правовых принципов систематизации.

⁴⁹ *Varro. LL. V. 80*: «Консул назван так оттого, что он совещается (*consulere*) с народом и сенатом, но скорей оттого, о чем говорит Акий в «Бруте»: «Пусть зовется консулом тот, кто решает (*consulere*) справедливо». Претор назван так оттого, что возглавляет (*praefere*) судопроизводство (*ius*) и войско; о нем Луцилий [говорит] так: «Ведь претору подобает быть впереди и возглавлять».

⁵⁰ *Varro. LL. V. 81*: «Цензор (*ensor*) [назван так] оттого, что согласно его оценке (*ensio*) и суждению производится перепись народа. Эдил [назван так] оттого, что заботится о священных и частных зданиях (*aedes*). Термин «квесторы» про-

объяснении отдельных названий должностей Варрон подчеркивает лишь этимологию слова, его происхождение, с которой оказывается связанной и сфера полномочий соответствующего магистрата. В основу общей структурной композиции раздела им положена этимологическая оппозиция *magistratus* – *magistri*. В этой связи сначала Варрон представляет магистратов (V. 80-81), а затем *magistri* – диктатора и начальника конницы (V. 82). Несмотря на этимологический характер пятой книги, этимологическое структурирование здесь неразрывно связано с правовым. Магистраты (не *magistri*) помещены автором в соответствии с *honores publici* (т.е., по сути, в соответствии с *cursus honorum*). Также членение текста на параграфы говорит о подспудном присутствии и иных системообразующих критериев: §§ 80-81 включают консула, претора, цензора, эдила, квестора, военных трибунов, плебейских трибунов, тогда как диктатор и начальник конницы (те, кого сегодня принято относить к экстраординарным) помещены в § 82; магистраты с империем (консул, претор) поставлены на первое место (V. 80) и структурно отделены от остальных (цензор, эдил, квестор, военные трибуны, плебейские трибуны – V. 81).

Как видно из представленной систематики римских должностей, Варрон, как и в рассмотренных выше работах, включает трибунов в число магистратов. Но здесь, как нам представляется, он не просто констатирует этот факт, но намеренно выводя плебейских трибунов из *tribuni militum*, пытается подчеркнуть генетическую связь между трибунатом и (патрицианской) магистратурой, т.е. средствами этимологии пытается обосновать существование единой системы магистратуры. Выводя трибунов из *tribuni militum* Варрон не просто обосновывает включение трибунов в магистратуру, но и определяет в ней их место: они объективно оказываются ординарными должностными лицами без

исходит от *quaerere* (расследовать), так как они наблюдали за общественной собственностью и расследовали публичные преступления, чем занимаются сегодня уголовные триумвиры; от них позднее квесторами были названы те, кто занимались расследованием судебных тяжб. Военные трибуны [получили свое наименование] оттого, что по трое от каждой из триб Рамнов, Луцеров и Тициев направлялись некогда в войско. Плебейские трибуны [называются так] потому, что созданы впервые из военных трибунов во время сессии на Крустумерий с целью защиты плебса».

⁵¹ Varro. LL. V. 82: «Диктатор (*dictator*) [назывался так] оттого, что назначался (*dicitur*) консулом, и все должны были внимать его приказу (*dictum*). Начальник конницы [назван так] оттого, что его власть над всадниками и легковооруженными является наивысшей, подобно высшей власти диктатора, который в силу этого также назывался начальником народа (*magister populi*). Остальные, поскольку были ниже, чем эти начальники (*magistri*), назывались магистратами (*magistratus*), подобным образом от *albus* (белый) происходит *albatus* (одетый в белое)».

империя, стоящими по уровню *honores* ниже военных трибунов, которых Цицерон (Leg. III. 6) называет *magistratus minores*. Важным моментом в конструкции Варрона является то, что он не связывает создание трибуната с плебсом (Varro. LL. V. 81), лишь говоря о функции трибуната (защита плебса). Тем самым он исходит из существования магистратуры, критерии систематики которой не социальные, но чисто правовые и функциональные, хотя помещение трибунов в самый низ списка могло быть связано именно с плебейским характером магистратуры трибуната, о чем Варрон ничего не говорит.

В этимологическом построении автора именно этимология выдает его нелогичность. Варрон для всех магистратов указывает, дериватом какого слова является название той или иной магистратуры (e.g.: *consul* < *consulere* и т.д.). Однако эта логика нарушена в случае с плебейскими трибунами. Хотя Варрон производит их от военных трибунов, мы не можем рассматривать *tribunus plebis* дериватом *tribunus militum*, ибо он говорит не об этимологии слова, а о происхождении самой должности. Об этимологии же *tribunus plebis* можно говорить здесь лишь опосредованно, поскольку Варрон связывает *tribunus militum* с *tribus*. Отсутствие у него специальной этимологии для плебейских трибунов может свидетельствовать о том, что таковой не было и у его предшественников. Объяснение трибунату давалось не через этимологию слова, а через объяснение происхождения самой должности (впрочем, античные грамматики не всегда отделяли одно от другого).

Как явствует из построения фразы, определяющим в характеристике *tribunus plebis* является не *tribunus*, а *plebs*, и именно через него дает толкование Варрон – трибун создан для защиты плебса (LL. V. 81). Из этого исходят все предшествующие и последующие толкователи⁵². Это дает нам основание считать, что связь *tribunus* – *tribus* не является определяющей для происхождения трибуната и нет необходимости, как делали некоторые исследователи, возводить плебейских трибунов к главам римских триб⁵³. Античные авторы, этим своим толкованием трибуната, задавали, хотя и иными, так сказать «квазиэтимологическими» средствами, сущностные характеристики трибуната – сферу (плебс) и характер (защита) его деятельности. Название *tribunus plebis* указыва-

⁵² Cic. Leg. III. 9: «Те, кого плебс изберет, числом десять, в свою защиту – ради оказания ему помощи против самоуправства, да будут трибунами плебса»; Isid. Etym. IX. 4. 18: «Трибуны названы так оттого, что предоставляют плебсу права и защиту».

⁵³ Многие современные исследователи различными средствами пытались установить такую связь (см. напр.: Павлов. 1997. С. 12-22).

ет, таким образом, не столько на *tribus*, сколько на то, что в его лице мы имеем руководителя плебса, как части римской *civitas*⁵⁴.

Сомнения в построении Варрона возникают и по иным причинам. В частности, он – единственный из античных авторов, кто прямо выводит происхождение плебейских трибунов из трибунов военных⁵⁵. В истинности этой связи можно усомниться. Сомнения вызывает и место сецессии – Крустумерий, где, по мнению Варрона, был создан трибунат. Ливий, не связывая плебейских трибунов с военными, говорит о Крустумерии (*Liv.* III. 42-45) в связи со второй сецессией (449 г. до н.э.). Если эти две традиции имеют пересечение, то можно предполагать, что Варрон относил создание трибуната, в противоречии с основной традицией, не к 494, а к 449 г. до н.э.⁵⁶ Примечательно, что современные авторы, следовавшие традиции Варрона, предпочитали не останавливаться на объяснении появления в его фразе Крустумерия⁵⁷. Неясно, является ли пассаж Варрона следованием некоей традиции, либо плодом его собственной реконструкции. Но даже если он следовал за некоей традицией, сам выбор ее примечателен, поскольку позволил «встроить» трибунат в общую систему магистратур; кроме того, обращение к традиции с Крустумерием давало ему возможность избежать употребления названия другого места сецессии – *Sacer mons*, к которому склоняется основная традиция⁵⁸ и, в том числе, Цицерон, считавший, что плебс сначала ушел на Священную гору, а затем на Авентин (*Cic. Leg.* II. 58). Обращение к этому понятию потребовало бы обсуждения специфики трибуната, что противоречило бы его концепции.

⁵⁴ Трибу Дионисий Галикарнасский сравнивал с филой и тритгией, а ее руководителей с филархами и триттиархами (*Dionys.* II. 7).

⁵⁵ Традиция Варрона была признана Т. Моммзенем (*Mommsen.* 1874. Bd. II. S. 247-303), а вслед за ним рядом других исследователей (напр.: Токмаков. 1998. С. 67-77), однако это вызывает немало сомнений. Мы считаем некорректным говорить, как это делает В.Н. Токмаков, о «военном аспекте» *tribunicia potestas*, по своей природе сугубо гражданской; нет оснований связывать трибунов и с защитой исключительно плебеев-воинов, тем более с защитой плебеев-воинов определенных классов.

⁵⁶ На такой трактовке настаивает С. Мадзарино (*Mazzarino.* 1972. P. 175-191).

⁵⁷ Так Т. Моммзен, последовавший в объяснении происхождения трибуната за Варроном, хронологически относил его, в соответствии с основной античной традицией, к 494 г. до н.э., но, отдавая дань традиции Варрона, писал: «Установление такого порядка традиция относит к 260 году [от основания Города] и связывает с уходом народа на некую гору, в районе прежнего города Крустумерия, известную как *Sacer mons*» (*Mommsen Th.* 1874. Bd. II. S. 247).

⁵⁸ *Liv.* II. 29. 8; 31; 31; 32; IX. 34. 3; *Dionys.* VI. 45. 2; *Cic. Brut.* 54; *Corn.* 1, frg. 48M; *Fest.* P. 422 L.; *Flor.* I. 17(23); *Val. Max.* VIII. 9. 1; *Plut. Coriol.* 6; *Oros.* II. 5. 5; *Eutr.* I. 13.

Вторым пассажем его сочинения «О латинском языке», который дает важную информацию о трибунате и магистратуре, является рассуждение Варрона о практике созыва центуриатных комиций (LL. VI. 86-95), где он, в отличие от представленного выше пассажа, сообщает и, более того, цитирует свои источники, причем документальные: цензорские таблицы, консульские и квесторские комментарии⁵⁹, а также юридические сочинения М. Юния Гракхана и Кв. Коскония (II в. до н.э.). В противоположность первому пассажи трибуны появляются здесь в рамках непосредственной практической деятельности, а не некоей общей системы, что позволяет сопоставить «систему» и «практику». Цитируя цензорские таблицы (VI. 86-87), Варрон говорит, о производстве ценза и *lustrum* на Марсовом поле цензорами. Он замечает, что при этом обязательно присутствовали претор и плебейские трибуны, хотя и не говорит об их роли⁶⁰. Совместное присутствие этих должностных лиц весьма примечательно. Информация Варрона дополняет данные других авторов об их тесном взаимодействии, прежде всего, в сфере судопроизводства⁶¹. Как ценз, так и *lustrum* производятся самими цензорами, которые созывают собрание, опрашивают присутствующих, составляя списки, и отводят граждан в город. Примечательно, что трибун оппонирует здесь не цензору, а именно претору. Варрон ничего не сообщает о целях присутствия претора и трибуна. Очевидно, что при нормальном ходе производства ценза, осуществляемого цензором, никакое вмешательство с их стороны не требуется, их присутствие скорее символично: оно выражает присутствие двух типов власти, двух типов магистратур (патрицианской *cum imperio* и плебейской *cum potestate*), а вместе с тем, двух типов общностей (*patres* и *plebs*), которые, в совокупности, являют собой единство государства и полноту власти. Та и другая, в случае необходимости, могли, несомненно, воспользоваться своими полномочиями. Необходимость присутствия трибуна при производстве ценза исходила

⁵⁹ Точно датировать невозможно. Скорей всего, они относятся к III-II в. до н.э.

⁶⁰ Varro. LL. VI. 86-87: «Теперь, первым делом, приведу [выдержки] из цензорских таблиц: Когда ночью цензор совершит ауспиции в освященном месте (*templum*) и будет небом дан [добрый] знак, он так прикажет глашатаю (*praeco*) созывать мужей <...>. Глашатай (*praeco*) созывает сначала с освященного места, после также с городских стен. С рассветом цензоры, писцы, магистраты, умащаются миррой и благовониями. Когда преторы, плебейские трибуны, и те, что приглашены (*inlicium vocati sunt*), пришли, цензоры бросают меж собой жребий, кто из них будет производить люструм. После того как место освящено, председательствует в собрании тот, кто будет производить люструм». О *lustrum* см.: Мельничук. 2002. С. 73-87; 2003. С. 54-65.

⁶¹ Gell. VI. 9. 9 (204 г. до н.э.); Liv. XXVI. 3. 9 (213 г. до н.э.); XLIII. 16. 11 (169 г. до н.э.).

из его полномочий, связанных с защитой граждан. Когда сложилась подобная практика однозначно сказать нельзя⁶².

В аналогичном контексте, хотя и в другой связи, трибуны появляются в пассаже о созыве собрания уголовным квестором⁶³. Опираясь на текст эдикта в «Комментарии к расследованию», Варрон сообщает, что (уголовный) квестор имеет право созывать собрания *populus* только в связи с исполнением им основной функции – расследованием и судопроизводством по уголовным делам, производя вызов обвиняемого через претора⁶⁴. До созыва собрания он должен обсудить дело в сенате с членами сената (т.е. фактически получить первоначально одобрение сената), а также с консулами, преторами, трибунами, и коллегами, и пригласить их участвовать в собрании (*contio*). Трибуны, таким образом, участвуют, очевидно, как при обсуждении дела в сенате, так и в судебных собраниях, организованных квестором⁶⁵, где выполняют ту же функцию контроля, защиты и представительства плебса, что и при цензе (LL. V. 87). В обоих случаях Варрон включает трибунов в состав магистратов, но в отличие от порядка, представленного выше (V. 80-82), трибуны здесь перечисляются непосредственно вслед за консулом и претором, и лишь

⁶² Возможно, сразу после введения должности претора в 366 г. до н.э.

⁶³ Varro. LL. VI. 90: «Древний «Комментарий к расследованию» квестора Мания Сергия, сына Мания, который обвинил в уголовном преступлении <Т>рога, свидетельствует о том, что [глашатай] отправлялся вокруг стен, чтобы завлечь народ в то <место>, где он мог бы созвать на сходку (*contio*) не только [под руководством] консулов и цензоров, но также и квесторов; в нем говорится так: (91) «Ты (квестор) займешься ауспциями и произведешь их в освященном месте, затем ты пошлешь претору или консулу сообщение о них; претор вызовет ответчика к тебе в народное собрание (*comitiatum*), и глашатай (*praeco*) объявит ему о том с [городских] стен; следует [ему] это приказать. Ты пошлешь трубача (*cornicen*) к воротам дома частного лица и на акрополь, откуда он протрубит [сигнал]. Ты потребуешь от коллеги, чтобы он с ростр объявил о собрании (*comitia*), и чтобы аргентарии закрыли [свои меняльные] лавки. Пусть выскажут свое мнение отцы-сенаторы, а ты [их] испроси и предложи присутствовать; пусть выскажут свое мнение магистраты, консулы, преторы и плебейские трибуны, и твои коллеги, а ты [их] испроси и предложи всем присутствовать в освященном месте; а когда будешь готов, созови сходку (*contio*)»».

⁶⁴ Автор ничего не говорит о необходимости трибуны, подобно квестору, вызывать через посредство претора, указывая при этом на отсутствие у трибуна права вызова, что подчеркивает кардинальное различие положения трибуна и квестора в структуре магистратуры.

⁶⁵ Сравнение §§ 91 и 93 побуждает думать, что речь идет о сходке (*contio*), а не *comitia centuriata*. Созыв последних он связывает с цензорами, консулами, диктаторами, интеррексами. В то же время о сходке он говорит как о производимой после ауспий в освященном месте (*templum*); собрание он именует *comitiatum*, а его состав называет *populus* и городским войском.

затем фигурируют квесторы, что подчеркивает реальное назначение и место трибуната – противопоставление их власти (*potestas tribunicia*) власти консула и претора (*imperium*) с целью защиты (*auxilium*) от последней (e.g.: *Cic. Resp.* II. 58; *Leg.* III. 16; *Val. Max.* IV. 1. Ext. 8).

Варрон здесь делает еще одно важное замечание относительно права магистратов созывать центуриатные комиции⁶⁶. Таковым, по его мнению, обладают консулы и диктаторы (делающие это ежегодно), а также цензоры (которые могут это делать только в связи с производством ценза раз в пять лет). Он подчеркивает тесную связь между этими магистратами и собраниями по центуриям, замечая, что именно через них они и осуществляют управление. Из рассуждения Варрона мы можем заключить *a contrario*, что трибуны не могли созывать центуриатные комиции, хотя присутствовали на них, что предполагает распространение трибунской *intercessio* за пределы городского померия⁶⁷.

О воззрениях Варрона на трибунат и шире, на римскую конституцию в целом, мы можем получить важную информацию и из умолчаний, которые присутствуют в рассматриваемом труде. Варрон, например, при том, что он много внимания уделяет созыву центуриатных комиций (LL. VI. 86-95), а также посвящает собраниям курий достаточно объемный пассаж⁶⁸, нигде не говорит о собраниях триб или о каких-то иных собраниях под руководством трибунов⁶⁹. Не случайность такого умолчания косвенно подтверждается тем, что нигде в своем труде Варрон не только не дает этимологии принимаемых такими собраниями *plebiscita*, но и не

⁶⁶ *Varro.* LL. VI. 93: «<...> но на собрание (*comitiatum*) созывается народ (*populus*) потому, что по иной причине этот магистрат (квестор) не может созывать городское войско; цензор, консул, диктатор, интеррекс могут, так как цензор каждые пять лет формирует войско по центуриям, когда должен производить очищение и вести его в город под знаменем; диктатор и консул ежегодно, так как последний может приказывать войску, куда необходимо идти, это оттого, что они имеют обыкновение управлять посредством центуриатных комиций (*comitia centuriata*)».

⁶⁷ Ливий также говорит о распространении власти трибунов на 1000 шагов от городской черты (III. 20. 7), хотя чаще авторы связывают границу их власти с померием (*Dio.* XXXIX. 39; *LI.* 19) или стенами города (*Dionys.* VIII. 87; *App.* В.С. II. 31).

⁶⁸ *Varro.* LL. V. 155: «Комиций (*comitium*) происходит от того, что собирались на нем куриатные комиции для разбора [публичных] тяжб. Есть два рода курий: те, [что известны] как древние курии, где жрецы отправляли дела божественные, и то [место], где сенат [отправлял дела] человеческие, [известное] как Гостилиева курия, которую впервые воздвиг царь Гостилий...».

⁶⁹ Сами трибы упоминаются им не раз. Он дает их этимологию (LL. V. 35, 55, 56, 81, 91), упоминает ряд римских триб, как архаических – гентильных, так и пореформенных – городских и сельских. В VI. 43 он рассматривает этимологию *contio*, *concilium*, *conciliari*, но вне какого-либо социального или политического контекста.

использует данного термина вообще. Напротив, этимологию слова *lex*, тесно связанного с куриатными и центуриатными комициями, мы у него находим (LL. VI. 66); он использует его неоднократно (LL. VI. 66; 71; VII. 15; IX. 20; X. 47). Непосредственным образом с этим связано и отсутствие в его работе анализа этимологии слова *plebs*; он полностью избегает и его употребления⁷⁰. Напротив, термин *populus* встречается в труде не раз (LL. V. 1; 35; VIII. 6; IX. 5; 6; 18; 114; X. 16; 74; etc.). Все это позволяет думать, что эти умолчания не являются случайными, а отражают общий концептуальный подход автора, не столько отображающего, сколько моделирующего римские публично-правовые реалии.

Таким образом, картина, которую рисует Варрон, позволяет говорить о наличии у него определенной концепции трибуната и его места в римской публично-правовой системе в целом и в магистратуре, в частности. Варрон, подобно Цицерону, стремится принизить значение трибуната, однако иными, нежели оратор, средствами – «ликвидируя» его как специфический (плебейский по происхождению и природе) институт и унифицируя его с недифференцированной социально магистратурой, объективно являющейся институтом патрицианским по происхождению и природе. Для этой унификации Варрон выводит генетическую связь между плебейским и военным трибунатом, а говоря о его создании, не упоминает о плебсе, лишь подчеркивает его цель – защиту плебса. Тем самым трибуна́т оказывается неотъемлемой частью системы магистратур лишь функционально (не социально) отличающейся от других магистратских должностей. Демонстрацию этой функции мы можем видеть у него в участии трибунов в производстве ценза и судебных собраниях, организуемых квесторами; в появлении трибунов при перечислении магистратов сразу после магистратов с империем. Вместе с тем, Варрон отмечает низкий уровень *honores* этой магистратуры, ставя трибунов в общем списке магистратов на последнее место. Эта унификация потребовала от автора и унификации социального порядка римской *civitas*, для чего Варрон использует категорию *populus*, отказавшись от категорий *plebs* и *patricii*. Чтобы устранить возникающие при этом внутри публично-правовой системы противоречия, ему пришлось вычеркнуть из нее *plebiscita*, а вместе с ними и собрания в трибах под руководством трибунов, оставив *leges* вместе с собраниями курий и центурий. С последними, как и с магистратами их созывающими, автор связывает функцию управления. Тем самым он отделяет от нее трибунов и трибы, оставляет

⁷⁰ Слово встречается только в названии трибуната – *tribunus plebis* (LL. VI. 91); *tribunus plebei* (LL. V. 81; VI. 87).

трибунам только «негативные» полномочия, лишает их своей социальной опоры (*plebs*) и института (*tribus*), через посредство которого, прежде всего, они реализуют свои позитивные полномочия. Можно полагать, что Варрон, подобно Цицерону, считавшему справедливыми только центуриатные собрания, столь же негативно относился к трибунской агитации и законодательной деятельности. Однако раздражение Варрона вызывает не только их законодательная деятельность, но и всякая деятельность, связанная с *ius cum plebe agendi*, ибо, отрицая наличие права вызова у трибунов, он отвергает и наличие их судебных полномочий. Примечательно и то, что он, подобно Цицерону, негативные новации (отход от *mores maiorum* в вопросе *vocatio*) его времени связывает с трибунами. Несмотря на ряд общих с Цицероном подходов к трибунату, позиция Варрона гораздо более консервативна, ибо объективно гораздо теснее смыкается с идеями, заложенными в основание реформ Суллы. Варрону не удалось безболезненно свести трибунат к унифицированной социально магистратуре: созданная им система не смогла обойтись без противоречий и умолчаний, а использование Варроном в отношении трибуната противоречащих его природе понятий *auspicia (publica)*, *potestas par/maior*, *honores publici* имеет вид конструирования «по аналогии», носит производный характер и стало возможным благодаря отношению им трибунов к числу магистратов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. СПб., 1875. Т. 1-2.
- Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1888. Ч. 1.
- Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005.
- Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004.
- Дементьева В.В. Магистратская власть римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 61-73.
- Дементьева В.В. Функции квесторов архаического Рима в сфере уголовного судопроизводства // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 187-202.
- Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000.
- Кофанов Л.Л. *Antiquitates rerum humanarum et divinarum* Варрона и система римского публичного права // Древнее право. 2006. № 1 (17).
- Лукьянец А.В. Изучение римской должности *praefectus urbi* в зарубежном антиковедении XIX века // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2003. Т. 1. С. 76-84.
- Лялунов Ю. Имели ли народные трибуны ауспиции // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 9. С. 256-287.
- Мельничук Я.В. Некоторые аспекты церемонии *lustrum* // Древнее право. 2002. № 2(10). С. 73-87; 2003. № 1(11). С. 54-65.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 1.

Павлов А.А. Дискуссионные проблемы раннего плебейского трибуната в немецкой историографии XIX в. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 12-22.

Павлов А.А. Плебейский трибунал в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // Древнее право. 2004. № 13. С. 19-39.

Павлов А.А. Libertas (свобода) в исторической концепции Тита Ливия // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 219-229.

Павлов А.А. Плебейский трибунал между магистратурой и представительством народа: к систематике трибуната у Полибия и Цицерона // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 9. СПб., 2011. С. 159-178.

Петровский Н.А. Институт аналогии в римской правовой науке и судебной практике // Древнее право. 2007. № 1 (19). С. 83-89.

Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I вв. до н.э. М., 2005.

Токмаков В.Н. Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67-77.

Astin A.E. The Atinii // Mélanges M. Renard. Bruxelles, 1969. Vol. II. P. 34-39.

Badian E. Tribuni plebis and res publica // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / Ed. J. Lindersky. Stuttgart, 1996. P. 187-213.

Bauman R.A. Lawyers in Roman republican politics: a study of the Roman jurists in their political setting, 316-82 BC. München, 1983.

Beicken J. Das römische Volkstribunat: Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // Chiron. 1981. 11. S. 87-108.

Bretone M. Technique e ideologie dei giuristi romani. Napoli, 1982.

Catalano P. Tribunato e resistenza. Torino, 1971.

Giovannini A. Volkstribunat und Volksgericht // Chiron. 1983/13. S. 545-566.

Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 406-436.

Grosso G. Appunti sulla valutazione del tribunato della plebe nella tradizione storiografica conservatrice // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1977/7. P. 157-161.

Fabbrini F. Tribuni plebis // NNDI. Torino, 1973. XIX. P. 878-822.

Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885. Bd. I.

Lange L. Römische Altertümer. Berlin, 1876. Bd. I.

Linderski J. The Auspices and the Struggle of the Orders // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Stuttgart, 1990. P. 34-48.

Lobrano G. Fondamento e natura del potere tribunitio nella storiografia giuridica contemporanea // Index. 1972/3. P. 235-262.

Lobrano G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // Studia et documenta historiae et iuris. 1975/41. P. 245-277.

Lobrano G. Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1983.

Lobrano G. La défense de la liberté publique et individuelle division des pouvoirs ou tribunat // IVS ANTIQVVM. 1996. № 1. P. 53-61.

Mazzarino S. Note sul tribunato della plebe nella storiografia romana // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1972/3. P. 175-191.

Margadant G.F. Tribunado de la plebe: un gigante sin descendencia // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1977/7. P. 186-187.

Mastrocinque A. Aspetti del tribunato alle origini della repubblica // IVS ANTIQVVM. 1996. № 1. P. 62-68.

Mitchell R.E. Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca&London, 1990.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1874. Bd. II.

Niccolini G. Il Tribunato della plebe. Milano, 1932.

Niccolini G. Fasti dei tribune della plebe. Milano, 1934.

Perelli L. Note sul tribunato della plebe nella riflessione Ciceroniana // Quaderni di storia. 1979/10. P. 285-299.

Rotondi G. Leges publicae populi Romani. Hildesheim, 1962.

Thommen L. Das Volkstribunat der späten Römischen Republik. Stuttgart, 1989.

Павлов Андрей Альбертович, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; aarpavlov@rambler.ru